

Михаил Штурм

Затонувший город. Тайны Атлантиды

Глава 1

Муза дальних странствий

Все шестеро мужчин были в белых полотняных костюмах, украшенных красными платками и поясами. Вскоре им предстояло пробежать без малого километр, удирая от стада быков, поэтому костюмы они носили свободные, не стесняющие движений. Глядя на них, Быков не мог отделаться от мысли, что очень скоро на белых одеждах храбрецов красного станет гораздо больше.

Каждый год во время фестиваля Сан-Фермин погибали люди. Как правило, это были энтузиасты, решившиеся пробежаться вместе с шестеркой по знаменитой улице Эстафета. Ее следовало назвать Эстафетой Смерти, и это не было бы преувеличением. Бывали годы, когда сразу двадцатка человек отправлялось отсюда в больницы или напрямиком на кладбище. Сотни мужчин, толпой удирающих от разъяренных быков, мешали друг другу, толкались, топтали упавших и инстинктивно

старались спрятаться за спины соседей. Это лишь усложняло их задачу: уцелеть во время забега на восемьсот двадцать пять метров.

Мероприятие называлось *энсьерро*, длилось около трех минут и проходило по нескольку раз в день на протяжении недели. Задачей участников было добежать от загона до арены, не угодив под рога и копыта дюжины животных, общий вес которых составлял около семи тонн. К соревнованию допускались все представители мужского пола, достигшие совершеннолетия и без очевидных физических недостатков. Те, кто не был уверен в своей ловкости, смелости и удачливости, наблюдали за происходящим из-за ограждения или свесившись из окон и с балконов над узкой улочкой. Быков гнали специальные пастухи-пасторы, вооруженные длинными палками. Если им не удавалось наставить рогатую паству на путь истинный, быки поворачивали обратно или прорывались на соседние улицы, и тогда количество жертв значительно возрастало — соответственно, праздник считался особенно удачным.

Быкову даже в голову не приходило, что сегодня ему суждено оказаться в самой гуще событий. Будучи известным и весьма востребованным фотографом с мировым (наконец-то!) именем, он прибыл в Памплону для

того, чтобы запечатлеть главное событие фиесты, а заодно и карнавалы, представления, корриды и концерты, которые ежегодно проходили здесь с 6 по 14 июля.

В настоящий момент он, стараясь не привлекать к себе внимания, снимал «великолепную шестерку», разминающуюся перед забегом. Осмотр одного из древнейших городов Испании, прославленного Хемингуэем, Быков отложил на потом. Конечно, он уже любовался вершинами Пиренеев, синеющими над красными черепичными крышами, проникся неповторимой атмосферой гордой провинции Наварра, успел потоптать булыжные мостовые и составил список достопримечательностей, обязательных для осмотра. Но сейчас все его внимание было поглощено приготовлениями к энсьерро.

Испанцы негромко о чем-то переговаривались, целовали нательные крестики, подпрыгивали, высоко поднимали ноги и приседали. Под масками бравады на их лицах все отчетливее проступала тревога. Вот ее-то и стремился уловить и передать Быков, переходивший с фотоаппаратом из одного угла в другой. Репортаж был заказан и оплачен журналом «Менс Вью», а там любили подчеркнута мужественные снимки с крупными планами, контрастными тенями и неожиданными ракурсами.

Потом Быков намеревался переместиться к загонам, чтобы отснять самое начало состязания, когда двенадцать быков будут выпущены на свободу. Учитывая все это, он решил обойтись без штатива, который помешал бы передвигаться с достаточным проворством. По этой же причине Быков ограничился одним «Никоном» со сменными объективами. Лишние пятнадцать килограммов не позволяли принять участие в общем забеге, но все равно ему предстояло находиться совсем рядом с быками, которым неизвестно что взбредет в их рогатые головы. А вдруг он им чем-то не понравится? В этом случае Быкову придется проявить завидное проворство, чтобы успеть ускользнуть в укрытие для прессы. И ему вовсе не улыбалось на бегу цепляться за все штативом или дополнительными фотоаппаратами.

В груди у него похолодело, когда шестерых испанцев пригласили на выход. В открытую дверь хлынул гул огромной толпы. Пройдя по длинному дощатому коридору, Быков прищурился от солнца и рева голосов, предвкушающих любимую национальную забаву. Дудели трубы, гремели барабаны, визжали самые экзальтированные любители острых ощущений.

Большинство из тех тысяч мужчин, которые образовали живой коридор возле загон, были в таких же белых одеяниях, как шестерка заводил,

приготовившаяся возглавить забег. Красные платки на шеях делали их похожими на пионеров из советской хроники.

Пока Быков озирался, его вытолкали на середину улицы. Налегая широкой спиной на находящиеся позади, он принялся выбирать более безопасное место. Громкоговоритель что-то закричал возбужденным мужским голосом, тут же утонувшим в общем восторженном реве.

Быков перестал пятиться, чтобы не очутиться слишком далеко. Его обступила волнуемая толпа, наэлектризованность которой была столь сильной, что, казалось, еще немного, и начнут проскакивать молнии. Лица окружающих выглядели очень похожими из-за одинакового выражения на них.

Рядом с Быковым вертелся черноглазый парень, выделявшийся в толпе красной рубахой. Его густые жирные волосы блестели на солнце. Дохнув чесноком и пивом, он что-то протараторил и толкнул Быкова локтем в бок. Пришлось изобразить ответную улыбку. Она так и застыла под раздвинувшимися усами Быкова, когда заслонки, преграждавшие путь быкам, рывками поползли вверх.

Дружное «аххх» сопровождало появление главных участников шоу. Огромные животные с широко расставленными рогами, оскальзываясь на

гладких камнях, вырывались из темных, тесных загонов и бешено вращали глазами, выбирая, на ком сорвать злость.

Вскинув «Никон», Быков принялся лихорадочно снимать кадр за кадром. Он ловил в видоискатель клейкую слюну, падающую с морд быков, их огромные рогатые морды, раздутые ноздри, чудовищные мышцы, перекатывающиеся под атласными шкурами черного, бурого и бежевого цвета. В неподвижном разогретом воздухе плыл резкий звериный запах.

Люди в белом, находившиеся прямо перед стадом, закричали, затопали, замахали руками, привлекая к себе внимание. Долго дразнить быков им не пришлось. Один из них неожиданно вырвался вперед и ударил обидчика головой. Плавно изогнутый рог длиной с половину мужской руки не задел беднягу, но самого толчка хватило, чтобы он отлетел в сторону, как будто его дернули за веревку.

Быков успел заснять это мгновение, после чего фотоаппарат исчез из его пальцев. Глупо вытаращившись, он увидел удаляющуюся спину в красной рубаше с темным пятном между лопатками. Похищенный «Никон» не только стоил больших денег, но и содержал в себе множество бесценных снимков. Не раздумывая, а просто подчиняясь собственническому инстинкту, Быков бросился

вдогонку. И тут, словно по сигналу, вся масса народу, придя в движение, устремилась в узкий проход между домами. Быки мчались следом, угрожающе всхрапывая и вразнобой долбя копытами булыжник мостовой.

Человеку, придумавшему выражение «бег ради жизни», стоило бы посмотреть на эту картину! Все смешалось на улице, все пришло в движение и полный беспорядок. Зрители, выстроившиеся вдоль мостовой, орали, одновременно подавались вперед и так же дружно пятились, когда быки проносились слишком близко.

Никакого порядка в этом хаотичном движении не было. Животные и люди смешались в кучу, катившуюся по улице подобно бурлящему потоку, стесненному каменными берегами. Один бык бежал слева от Быкова, едва не задевая его острием рога, кто-то толкал его в спину, кто-то путался под ногами. Приходилось то и дело перепрыгивать через упавших и прилагать отчаянные усилия, чтобы не растянуться самому. При этом Быков еще и умудрялся не терять из виду красную рубашку, маячившую впереди.

Он не помнил, чтобы когда-нибудь бегал так быстро, как теперь. Даже в детстве, когда за ним гнались малолетние хулиганы или пьяные взрослые. Ноги едва успевали переступить под тяжестью его девяностокilограммового тела,

норовя подогнуться, чтобы им дали передышку. Но остановка была смерти подобна — в самом буквальном смысле этого слова.

Бык, скакавший слева, теперь вилял поджарым задом прямо перед Быковым, а позади — он ощущал это по горячему дыханию в спину — пристроился другой, грозя поднять его на рога или смять под копытами. Воздух в груди закончился, и взять его было неоткуда. Легкие работали почти вхолостую, производя звуки, напоминающие пыхтение старенького велосипедного насоса.

Переставляя ноги с такой скоростью, будто они ступали по раскаленной поверхности, Быков продолжал бежать, потому что ничего иного не оставалось, даже если бы он решил сойти с дистанции. Этого не мог сделать ни он, ни вор, ни любой другой участник забега. Они были обречены продолжать забаву, которая для них самих забавой не являлась. И в этом энсьерро копировало жизнь, только в очень сжатом виде.

Отрывочные мысли — довольно глупые — мелькали в мозгу. В какую-то секунду Быков отмечал, что его фамилия как нельзя лучше подходит для участника этого шоу, и тогда смех начинал душить его, но тут сбоку выдвигалась бычья голова, дико косящая глазом, и истеричное веселье сменялось ужасом, внезапным, как стакан ледяной воды, вылитой за шиворот. В промежутках

между этими крайними состояниями Быков успевал думать о множестве других вещей. Удастся ли ему отобрать свой фотоаппарат? Неужели зрители, гроздьями повисшие над улицей, не понимают, что однажды один из этих балконов неминуемо обвалится? Как выглядела бы улица родного города, если бы на нее выпустили быков? Эх, надо было опорожнить мочевой пузырь перед тем, как отправляться на съемки!

Впереди бык неожиданно остановился и принялся неистово кружить на месте подобно чудовищной мясорубке, перемалывающей комки живой плоти. Под раздачу попали не меньше пяти человек, и один из них, отброшенный рогом, едва не сбил Быкова с ног. Увернувшись, фотограф налетел на теплую коричневую тушу, показавшуюся ему фантастически огромной. Оторваться от нее не позволял сосед, бегущий рядом. Его колени поднимались чуть ли не на уровень груди, правый локоть мерно ударял Быкова в бок. Пришлось чуть сбавить скорость, но закончилось это печально, потому что сзади надвигались сразу два других быка: один — угольно-черный, второй — цвета засохшей на солнце глины.

Они гнали перед собой волну жара. Черный фыркал, светлый издавал отрывистое приглушенное мычание, как будто испытывал

оргазм при одной только мысли, что сейчас доберется до человека.

К своему ужасу, Быков обнаружил, что не способен бежать быстрее, тогда как быки с каждым шагом неумолимо нагоняли его. Вместо того чтобы попытаться свернуть, рискуя быть сбитым во время этого маневра, Быков притормозил еще немного. Инстинкт подсказал ему правильное решение. Животные пропустили его между собой. Секунды три или четыре он бежал, зажатый между двумя раскачивающимися тушами, а потом очутился позади.

Надежда на то, что теперь можно перевести дух, не оправдалась. Колонна бегущих людей и зверей растянулась на добрых сто метров, и сейчас Быков находился примерно в середине этого потока. Казалось, количество быков каким-то магическим образом удвоилось или даже утроилось, поскольку повсюду, куда бы ни упал взгляд, виднелась рогатая башка или мернодвигающаяся холка.

Озираясь через плечо, Быков старался угадать, откуда вынырнет следующая туша, чтобы разминуться с ней. Красная рубаша давно пропала из поля зрения, но это уже не имело значения. Собственная жизнь представлялась куда более ценной, чем любые вещи и деньги. Отстраненно удивляясь тому, как у него еще не разорвались

легкие и не выскочило из груди сердце, Быков разглядел впереди ворота, за которыми угадывалось обширное пространство, залитое солнечным светом. Это была арена, на которой безумная гонка должна была завершиться.

Правда, проскочить туда с разбегу не удалось. Врезавшись в столпотворение, образовавшееся у входа, Быков был вынужден замедлить движение до семенящего шага. В спину находящегося рядом мужчины с разгона влетел бык и, ступая по поверженным телам, стал зарываться в толпу все глубже. Люди беззастенчиво делали то же самое, не тратя драгоценные секунды на то, чтобы переступить через упавших. У Быкова так не получалось. Увидев у своих ног парнишку, он схватил его за шиворот и потащил вверх.

Во время спасательной операции Быков сам чудом не упал, потому что его без конца толкали в спину, а один раз по его плечу прошелся желтый рог, разодравший рукав вместе с кожей. Вместо того чтобы сместиться в более безопасное место, Быков продолжал поддерживать и одновременно тащить вперед спасенного юношу. Как и все вокруг, тот был одет в свободную белую рубашу и штаны, перехваченные красным матерчатым поясом со свисающими концами. Скособоченный козырек кепки закрывал лицо, но, похоже, парнишке было

не больше восемнадцати. Маленький, хрупкий, с тонкой шеей и узкими плечами.

— Зачем ты влез сюда? — прошипел Быков, поддерживая его под руку. — Это игра для взрослых мужчин! Не видишь, что здесь творится?

Говорил он не по-испански и даже не по-английски, поскольку ему было совершенно безразлично, понимает ли его спасенный. Вокруг творилось черт знает что! Рев толпы был оглушающим.

Сразу три быка, цепляясь рогами, бились лбами в деревянный барьер у входа, постепенно сдвигая его вместе со зрителями, находившимися по ту сторону. Двое животных упали и отчаянно дергались, силясь подняться. Быкова и юношу теснили со всех сторон, грозя то повалить, то вытолкать прямо на рога.

И все же накал страстей постепенно шел на спад. Быки, один за другим проскакивая на арену, утрачивали агрессивность и, почти не обращая внимания на людей, покорно трусили к воротам на противоположной стороне.

Очутившись на арене, Быков завертел головой, выискивая похитителя «Никона», однако вокруг было уже не менее десятка красных рубах, а их обладатели были одинаково смуглыми и черноволосыми.

— Черт! — выругался Быков, а потом прибавил к сказанному еще несколько гораздо более крепких и смачных словечек.

— Не выражайся при даме, — предупредил юноша.

— Дама?

Это утверждение поразило Быкова еще сильнее, чем то, что к нему обратились на родном языке, пусть не самом чистом, но и без тяжеловесного акцента, с которым обычно изъясняются иностранцы. Бросив несколько настороженных взглядов по сторонам, он увидел только мужчин — стоящих, сидящих, продолжающих по инерции разбегаться или переходящих на шаг, потому что замереть сразу после отчаянного кросса не получалось.

Последних быков загоняли в ворота. Стадион вокруг арены был наполовину заполнен зрителями, предвкушающими начало корриды. Возле двух или трех лежащих тел суетились санитары. Полицейские, похожие на черные тени, сновали в толпе, утихомиривая тех, кто не мог сделать этого самостоятельно. Мимо прошествовал голый по пояс здоровяк с расквашенным носом, выкрикивающий то ли проклятия, то ли благодарения небесам.

Быков снова уставился на юношу, который, как стало очевидно при ближайшем рассмотрении, юношей вовсе не являлся.

— Ты рехнулась, девочка? — спросил Быков. — Острых ощущений захотелось? Тебе жить надоело?

Перед ним стояла девушка лет двадцати. Выпуклости груди и несколько светлых прядей, выбившихся из-под кепки, придали ей женственности, которой до сих пор не хватало. Еще Быков рассмотрел трещинки на губах без помады, пикантную родинку над ними и зеленоватый оттенок кошачьих глаз, не обведенных тушью, а окаймленных ресницами.

— Отвечаю по пунктам, — произнесла девушка, ничуть не смутившись от грозных окриков. — Я нормальная. Ощущений мне хватает — и острых, и всяких разных. Жить мне не надоедает, потому что это ужасно интересно. Еще вопросы будут?

— Один. — Быков поднял указательный палец. — Зачем ты это сделала?

— А ты?

Ее акцент и манера общения выдавали заграничное воспитание. Скорее всего, она была дочкой эмигрантов, выросшей на иностранной почве, но не утратившей своих корней.

— Я фотограф, — сказал Быков, кивком предлагая покинуть арену, где делать было уже нечего. — Снимал забег.

— На мобильник?

В тоне девушки просквозило нескрываемое пренебрежение.

— Почему на мобильник? — обиделся Быков. — Я профессиональный фотограф.

— Ага. Профи. И где твоя камера, профи?

— Мне, между прочим, почти сорок.

— А мне девятнадцать, — сообщила девушка. — И что с того?

Продравшись сквозь возбужденное людское месиво, они вышли на улицу, по которой удирали от стада. Теперь в это верилось с трудом. О забеге напоминали лишь яркие микроавтобусы с надписями «Ambulancia».

Балконы опустели. Народ как ни в чем не бывало веселился, балагурил и пританцовывал под аккомпанемент уличных музыкантов.

— Я тебе в отцы гожусь, — брякнул Быков и покраснел, как это случалось всегда, когда он изрекал какую-нибудь банальность или глупость.

— Нет, не годишься, — возразила девушка. — У меня есть свой. Так где твоя камера? Или ты делал воображаемые снимки?

Она пальцами изобразила прямоугольник и, посмеиваясь, «отсняла» пару воображаемых кадров.

Покраснев еще сильнее, Быков бегло перечислил наиболее известные издания, публиковавшие его работы. Это было очень по-детски, и он прекрасно все понимал, но ничего

не мог с собой поделаться: в зеленых глазах новой знакомой хотелось выглядеть как можно значительнее и интереснее.

Вместо того чтобы высмеять его хвастовство, она присвистнула:

— О-о, здорово! Если ты не привираешь, конечно.

— Погляди в Интернете, — предложил Быков, вдоволь натешив свое самолюбие. — Здесь должен быть вай-фай.

Он кивнул на вывеску кафе, до которого они незаметно дошли, свернув в первый попавшийся проулок.

— Я тебе верю, — успокоила его девушка тоном старшей сестры, беседующей с расхваставшимся братишкой. — Но в кафе зайти надо. Должна же я угостить тебя хотя бы кофе. Ты ведь мне жизнь спас. Ну, если не жизнь, то здоровье. Тебя, кстати, как зовут?

— Дима, — представился Быков. — В смысле, Дмитрий.

— Я Алиса, — просто сказала девушка.

— Из Страны чудес?

— Нет. И не из Зазеркалья. Пойдем.

Она сама открыла дверь, что лишний раз подчеркивало ее иностранное воспитание, пронизанное феминизмом. Женщины Запада не хотели, чтобы за ними ухаживали. Это задевало их

достоинство, напоминая о разделении человечества по половому признаку.

В кафе было шумно и многолюдно. Черно-белый пол в клетку напоминал шахматную доску, заполненную множеством фигур, налегающих не столько на кофе, сколько на вино и пиво, взбадриваясь перед продолжением фиесты. Поднимая взгляд, посетители видели высокий лепной потолок с люстрами и проникались возвышенной, почти театральной атмосферой. Опустив глаза, они переносились в обстановку дешевого кабака, отчего в мозгу возникали неожиданные ассоциации со Средневековьем и романтикой.

— Праздник, который всегда с тобой... — обронил Быков, выдвигая перед Алисой стул.

Поколебавшись, она села и спросила:

— Что?

— Хемингуэй.

— Хорошо, что напомнил, — фыркнула Алиса. — Предлагаю выпить что-нибудь покрепче кофе.

— Родители не заругают? — поинтересовался Быков, ухмыляясь.

Она посмотрела на него пронизывающе-проницательным взглядом, который по-настоящему удается только женщинам.

— Хочешь знать, приехала ли я одна? Так и спроси.

— Ничего я не хочу, — буркнул Быков, от улыбки которого и следа не осталось.

Настал черед Алисы ухмыляться.

— Хочешь, — произнесла она с уверенностью человека, безошибочно угадавшего правду.

Быков, едва успевший избавиться от пожара на щеках, покраснел снова. Ему не нравилось, когда его читали как открытую книгу. Особенно когда это делали красивые молодые девушки, которым совсем не обязательно знать, о чем он думает, когда смотрит на них.

— Все это твои фантазии, — сказал Быков, постаравшись произнести это как можно небрежнее.

Его пальцы принялись выстукивать какой-то сбивчивый, сумбурный ритм на крышке стола. Он решал про себя, какой предлог найти, чтобы извиниться и покинуть кафе, не вступая в дальнейший разговор с девушкой, которая волновала его значительно сильнее, чем он был готов признаться даже самому себе. И снова Алиса отгадала ход мыслей Быкова, потому что положила ладонь на его руку и мягко произнесла:

— Ладно, не обижайся, Дима. На меня иногда находит. Так-то я не вредная, но денек непростой выдался.

— Я, между прочим, не собирался бежать, — признался Быков. — У меня один тип фотоаппарат выхватил. Я за ним погнался, а за мной погнались быки. Так что деваться было некуда.

— Мне очень повезло, что так вышло, — сказала Алиса. — Я думала, меня затопчут.

— Я принял тебя за парня. Эта одежда, кепка...

— На самом деле я девушка, как ты успел заметить.

Она села прямее, отчего грудь натянула ткань рубашки. Предательская краска расплылась по лицу Быкова, захватывая уши и шею. Он поспешно раскрыл меню и принялся изучать его.

— Хочешь знать, почему я побежала? — спросила Алиса.

— М-м...

— Если тебе не интересно...

— Нет-нет, очень интересно, — спохватился Быков. — Почему ты побежала?

— Потому что...

Ответ последовал не сразу, потому что к столу наконец подскочил официант и, ослепительно улыбаясь Алисе, хотя общался с ним Быков, принял заказ.

— Потому что я страшная трусиха, — призналась девушка, когда они остались одни. — С детства. Приходится ломать себя. В прошлом году я

до середины Эвереста поднялась. Весной в Альпах с трамплина прыгнула. Теперь нырять собираюсь.

— С вышки? — предположил Быков.

Алиса рассмеялась и, подождав, пока официант накроет на стол, сообщила, что отправляется с экспедицией в район Азорских островов, где будет принимать участие в подводных изысканиях. Быков приподнял бровь, и невозможно было определить, чем вызвана его заинтересованная мина — рассказом собеседницы или вкусом принесенного стейка.

— Затонувшие корабли будете искать? — спросил он, запивая мясо красным вином.

Ответ Алисы заставил его поперхнуться и закашляться, прикрывая рот салфеткой.

— Будем искать Атлантиду, — ответила она и, сочувственно понаблюдав за своим визави, предложила: — Давай я тебе по спине постучу.

— Не надо, — прохрипел он, смахивая слезы с глаз. — Какую Атлантиду?

— А разве их было несколько? — притворно удивилась Алиса, хлопая ресницами.

— Одна, — согласился Быков, опустошив бокал так, будто туда был налит обычный компот. — Но, насколько мне известно, никто не знает точно, где она находилась. Одни предлагают искать в Средиземном море, другие — в Атлантическом океане, третьи — в Индийском...

— По правде говоря, начальник экспедиции не уверен, что мы найдем именно Атлантиду. Вероятность пятьдесят на пятьдесят, так он говорит. Но город на дне есть, это точно. Профессору Заводюку попали в руки неоспоримые доказательства. Там и с эхолотами плавали, и камеру опускали.

— Заводюку? — переспросил Быков, жадно ловивший каждое слово.

Девушка кивнула:

— Он сохранил фамилию предков. Правда, англичане ее вечно коверкают. Мисс Элис Саводьюк.

Она пожала плечами и поднесла бокал к потемневшим от вина губам. Не в силах вымолвить ни слова, Быков, вскинув брови, указал на нее пальцем. Она с важностью наклонила голову: мол, да, совершенно верно, мисс Алиса Заводюк — это я.

— Он твой отец?

Задав вопрос, Быков посмотрел на бутылку, обнаружил, что она пуста, и принялся терзать ножом остатки стейка.

— Дед, — поправила Алиса, сделав это почему-то сердитым тоном. — По материнской линии.

— Повезло тебе с дедом. Ты хорошо плаваешь? Я имею в виду, под водой.

— Пока не очень. Но впереди три недели тренировок. Мы из Хинона отплываем, там же готовимся. Километров триста отсюда. А в Памплону я оттянуться приехала.

— Твой молодежный сленг устарел, — пробормотал Быков, напряженно размышляя о чем-то своем. — Сейчас уже не оттягиваются.

— А что делают?

— Тусят, по-моему. Не знаю. Вам фотограф, случайно, не нужен?

— Случайно нужен, — сказала Алиса. — Даже два.

— Вот как? — Быков выжидающе уставился на нее.

— Я могу составить тебе протекцию. При одном условии.

— Говори.

— Понимаешь, — заговорила Алиса, крутя в руке бокал, — чтобы попасть в экспедицию, мне пришлось соврать деду, что я окончила курсы фотографов.

Быков подергал себя за ус, преодолевая искушение заказать вторую бутылку вина, чтобы отпраздновать удачу.

— И на что ты рассчитывала? — осведомился он, прищурившись. — Думаешь, фотографировать — дело простое? Это тебе не «мельницей» щелкать. Много своих тонкостей и секретов.

— Понимаю, — сказала Алиса, — поэтому и предлагаю сделку.

— Сделку?

— Я представляю тебя деду и обеспечиваю тебе место в экспедиции. За это ты проводишь со мной мастер-классы.

— Я не совсем понял, — признался Быков, морща лоб. — Если фотографировать будешь ты, то какая роль отводится мне?

Девушка улыбнулась снисходительной и немного усталой улыбкой учительницы, вынужденной втолковывать прописные истины бестолковому ученику.

— Я же сказала, что по штату должно быть два фотографа. Один обычный, другой для подводных съемок. Первый снимает происходящее на судне и поднятые артефакты. Второй работает во время погружений.

Пока велась эта беседа, зал опустел. Бармен и два официанта собрались у телевизора, по которому транслировалась коррида. В самые острые моменты с улицы доносился рев зрителей на трибунах. Прислушиваясь, Быков вспоминал сегодняшнее приключение. Но оно уже завершилось, и теперь, как всегда, хотелось новых впечатлений. Например, от участия в поисках Атлантиды. Которые, помимо всего прочего, сулили безумно интересный опыт, славу и новые заказы.

— Но я не силен в дайвинге, — признался Быков, всегда испытывавший трудности при приукрашивании действительности. — Нырял немного в Красном море и Средиземном. Вот и весь мой опыт.

Алиса возвела глаза к потолку, видимо умоляя небеса ниспослать ей терпение и выдержку, необходимые для того, чтобы по нескольку раз повторять очевидные вещи.

— Ты будешь учить меня фотографировать. Инструктор будет учить тебя нырять. Подводные съемки ты освоишь самостоятельно. Оборудование твое.

— Недешевое удовольствие, — заметил Быков.

— Зато это будет твоим главным козырем, — сказала Алиса. — Если ты действительно известный фотограф, то деньги у тебя водятся. Вижу по глазам, что угадала. Ну что, по рукам?

Она протянула через стол руку, и Быков, немного поколебавшись, осторожно пожал ее. Он понимал, что совершает безрассудство, но размеренная, упорядоченная жизнь никогда ему особенно не удавалась. Последние три года его жизни прошли в постоянных странствиях. Он гонялся за песчаным дьяволом в Австралии, искал копи царя Соломона в Африке и спасал воздухоплателей в дебрях Южной Америки. Было

еще несколько других путешествий, не столь значительных, но не менее увлекательных. Из каждой такой поездки Быков возвращался с множеством уникальных фотографий, распродававшихся, как горячие пирожки, но гораздо дороже. И теперь, получив шанс поучаствовать в научно-исследовательской экспедиции, Быков просто не мог отказаться, иначе это был бы не он.

— Я так понял, отплытие меньше чем через месяц? — деловито уточнил он.

— Ага. — Алиса утвердительно качнула головой. — Мы должны успеть до октября, когда на Азорских островах начинается сезон дождей.

— Летом там, должно быть, жарко?

— Не больше тридцати градусов. И вода очень теплая. Идеальное время для экспедиции.

— И много нас будет? — спросил Быков, которому уже не сиделось на месте.

Обстановка кафе потускнела, потеряв всяческое очарование. Ветер веков и тысячелетий ворвался в помещение, предлагая дышать полной грудью и жить полной жизнью.

— Не имею представления, — пожалала плечами Алиса и подняла руку, подзывая официанта. — Организацией экспедиции занимается дед, — продолжила она, попросив счет. — Я в подобные вопросы не вникаю.

— Стоп! — Быков задержал ее руку с банковской картой. — Уж не думаешь ли ты, что я из тех мужчин, которые позволяют дамам платить за себя?

— Пригласила тебя я. Мне и платить.

— Исключено. Я не согласен.

В конечном итоге победила Алиса. Так уж был устроен Быков: он всегда уступал в мелочах, оставаясь в принципиальных для него вопросах непреклонным.

Выйдя из кафе, они медленно шли по узкой тенистой улочке, полностью состоявшей из камней с небольшими вкраплениями железа и дерева. Над крышами то и дело проносился крик болельщиков боя быков, подобный раскатам далекого грома. Быков предложил проводить Алису до отеля, и она согласилась. По дороге он попробовал что-нибудь узнать о ней, но девушка, похоже, тщательно оберегала свою личную жизнь, отвечала на вопросы уклончиво или же вовсе пропускала их мимо ушей. Все, что удалось из нее выудить, позволяло составить лишь самую общую картину.

Заводюки выехали из России еще в начале семидесятых годов, когда Алисин дедушка носил комсомольский значок и заслушивался первыми альбомами «Дип перпл». Теперь он был известным ученым-антропологом, председателем Комитета по

экспедициям и полевым работам Королевского географического общества в Лондоне.

— А у меня каникулы, — сообщила Алиса, словно это объясняло, почему она оказалась в составе поисковой команды и умудрилась ни разу не упомянуть о своих родителях.

Избегая дальнейших расспросов, она перевела разговор на Атлантиду. Быков, к своему стыду, обнаружил, что, несмотря на кажущуюся общеизвестность темы, обладает лишь самыми поверхностными сведениями о происхождении и сути легенды.

Алиса, естественно, заметила это, но не стала высмеивать спутника. Он ей imponировал во всех отношениях. Она питала определенное пристрастие к сильным, смелым, умным мужчинам, а Дмитрий Быков полностью соответствовал этим требованиям. Возможно, у него были лишние килограммы, но крупная комплекция как бы скрадывала этот факт. Единственное, что не устраивало Алису во внешности нового знакомого, так это несколько старомодные усы на румянном лице, придававшие Быкову сходство то ли с мушкетером, то ли с гусаром. Однако чем дольше они общались, тем привычнее и уместнее становилась эта полоска пушистой растительности.

Чтобы растянуть прогулку на лишние полчаса, Алиса выбрала причудливый маршрут,

проложенный по лабиринту старого города. Несмотря на корриду, на улицах было довольно оживленно. Кто-то готовился к продолжению фиесты, кто-то, наоборот, отдыхал или подкреплялся после участия в празднике. Но девушка и ее неожиданный спаситель лишь отчасти присутствовали в окружающей реальности. Их внимание было занято друг другом и, конечно же, разговорами об Атлантиде.

— Спрашиваешь, что я о ней знаю? — пробормотал Быков, задумчиво поглаживая щетину, успевшую проступить на щеках и подбородке. — Не так уж много, хотя до сегодняшнего дня я считал иначе. Легенде около двух тысяч лет, если не ошибаюсь. Впервые о существовании Атлантиды поведал Платон. После этого многие пытались отыскать затонувший континент...

— Остров, — поправила Алиса.

— ...пытались отыскать затонувший остров, но никому это не удалось. Насколько мне известно, в последнее время ученые пришли к выводу, что Платон описал не реально существовавшее государство, а некую утопию.

— Ученые всегда дружно отрицают очевидные факты, пока истина не восторжествует.

— Возможно.

— Не *возможно* , а так и есть, — возразила Алиса. — Сам-то ты читал Платона?

— Было дело, — ответил Быков. — Но, как выяснилось, это оказалось пустой тратой времени. Ничего не помню.

— Тогда я немного освежу твою память. Платон в своих «Диалогах» не только пересказал египетское предание об Атлантиде, но и подробно описал ее столицу. По его словам, остров этот был огромен и лежал в океане за Геркулесовыми столпами.

— То есть за Гибралтаром, — вставил Быков, которому вовсе не хотелось выглядеть перед Алисой полным невеждой.

— Точно, — кивнула она. — В центре острова возвышался холм с великолепными храмами и царским дворцом. Его опоясывали два ряда земляных валов и три водяных рва. Последний, наружный ров соединялся с морем пятисотметровым каналом, по которому ходили корабли. Благодаря этому обстоятельству мой дед и вычислил местонахождение Атлантиды.

— За два тысячелетия очень многие думали, что нашли ее.

— Совершенно верно, — согласилась Алиса. — Искать Атлантиду начали еще во времена Платона. Гипотез было выше крыши. — Она провела ладонью над головой. — Искали даже в

Сибири и Бразилии. Всем хотелось завладеть сокровищами, которыми были забиты храмы и дворцы. Золотые стены, золотые статуи, золотые лестницы. Серебра в Атлантиде вообще никто не считал. И все это пошло на дно в целости и сохранности!

— Я думал, там извержение вулкана было, — сказал Быков. — И землетрясение все разрушило.

— А вот и нет! Атланты пошли войной на Грецию и были наказаны за это олимпийскими богами. Остров затонул в результате наводнения: «в один ужасный день и одну ночь», как об этом написано.

— Ты говоришь так, будто веришь в олимпийских богов.

— Кто их знает... — Алиса пожала плечами. — Во всяком случае, про Атлантиду все оказалось правдой.

— Да?

Охваченный любопытством, Быков остановился. Девушка с готовностью повернулась к нему. Прямо за ее спиной возвышалась церковь с часами, но Быков на них не посмотрел. Предвкушение новых приключений было слишком сильным, чтобы думать о времени. Находишься перед Быковым вместо Алисы кто-то другой, он, вероятно, отнесся бы к происходящему с изрядной долей скептицизма. Но эта красивая девушка,

одетая в мужскую одежду, не скрывающую женственных форм, странным образом волновала его воображение. Перспектива находиться рядом с ней, занимаясь одним делом, приятно будоражила мысли и чувства. Разница в возрасте? Сейчас она заботила Быкова не больше, чем точное время.

— Мой дед, — заговорила Алиса, выдержав значительную паузу, — всегда был сторонником теории, что Азорские острова — это осколки Атлантиды, сохранившиеся на поверхности. И в начале года он получил подтверждение своей догадки. Знаешь как?

— Нет, — улыбнулся Быков. — Но сейчас узнаю.

— А если я тебе не скажу?

— Но мы же в одной команде! Или нет?

— В одной, в одной, — усмехнулась Алиса. — На протяжении пяти или шести лет по дедушкиной инициативе велась подробная аэро съемка в районе Азоров. Была задействована самая современная аппаратура, позволяющая фотографировать дно с воздуха. Вдобавок вертолеты были оснащены магнитометрами, благодаря которым можно распознавать слои грунта на достаточно большой глубине. И когда была готова полная и весьма подробная карта дна, мой дед...

Последовала самая затяжная и интригующая пауза, которую когда-либо доводилось пережить Быкову. Он выдержал испытание с честью, хотя усы его слегка подергивались, выдавая нетерпение.

— ...мой дед обратил внимание на странный желоб, протянувшийся возле одного из островов, — продолжала Алиса, насладившись произведенным эффектом. — Он казался подозрительно прямым...

— И был в длину ровно полкилометра, — закончил за нее Быков.

— Черт! Как ты догадался?

— Просто внимательно слушал. Ты ведь не зря упомянула про канал, соединявший наружный ров с морем.

— Да, ты прав, — подтвердила Алиса с плохо скрываемым разочарованием.

— Я готов сделать еще одно предположение, — заявил Быков, гордый своей сообразительностью. — Ширина канала совпадает с той, что приведена у Платона.

— Да. Около ста футов.

— То есть тридцать метров. И где это место?

— Об этом я сказать не могу, — отрезала Алиса. — Потом узнаешь, если дед тебя возьмет.

— А что, может не взять? — огорчился Быков.

Она рассмеялась:

— Ты сейчас на большого ребенка похож, Дима. Только усатого.

— И что всем мои усы покоя не дают?!

Веселое выражение мигом слетело с лица Алисы.

— Кому это «всем»? — подозрительно осведомилась она.

Смутившись, он кашлянул в кулак и пожал плечами:

— Просто к слову пришлось.

— К слову ловеласа?

В который раз за сегодня Быков покраснел. Наверняка сказать было невозможно, но он знал, что это слишком часто для одного дня.

— Никакой я не ловелас, — заявил он.

Но, вероятно, сделал это недостаточно быстро или убедительно. Взгляд Алисы стал отсутствующим, если не сказать отчужденным.

— Ладно, мне пора, — сказала она, переступив с ноги на ногу.

— Ты обиделась?

— На что?

Быков шагнул к ней, но девушка отпрянула, как лань, не позволяющая себя погладить. Вот когда сказалась разница в возрасте. Привыкнув иметь дело со взрослыми, умудренными жизнью женщинами, Быков подзабыл, какими капризными и строптивыми бывают молоденькие девушки.

— Я сама дойду, — сказала Алиса, вскинув голову. — Тут рядом.

— Но телефон-то ты мне дашь? — спросил Быков. — Или экспедиция отменяется? Учти, фотография — непростое мастерство. — Он услышал в своем голосе заискивающие нотки, покособившие его самого. — Сама ты его не освоишь.

Алиса дернула плечами и достала мобильник. Она не понимала, что на нее вдруг нашло. Какое ей дело, женат ли этот розовощекий Быков, сколько у него было любовниц и с кем он проведет остаток сегодняшнего дня? Он, как минимум, в два раза старше ее! Правильно он заметил, что в отцы ей годится. Хотя, разумеется, отец у Алисы был другой.

Отец-предатель! С новой женой, которая была старше Алисы всего на три года. Такая вот мачеха. И появилась она очень скоро после того, как умерла Алисина мама. Слишком скоро.

С тех пор Алиса почти не виделась с отцом. Уехала из поместья в Сюррее к деду. Они были единокоренны в отношении к новому браку Джона Линдси. Алиса даже фамилию сменила, взяв себе материнскую. Пусть отец знает! Ей ничего от него не надо!

Даже любви!

Сама того не замечая, Алиса посвятила свою жизнь тому, чтобы доказать отцу, насколько она,

родная дочь, лучше какой-то надменной красотки. Именно по этой причине она ввязывалась во всевозможные авантюры и приключения. Новоиспеченная миссис Линдси посещала светские рауты и вернисажи, а Алиса Заводюк покоряла вершины или, как, например, сегодня, принимала участие в опасных мужских забавах. Однажды отец услышит о подвигах родной дочери и пожалеет о том, что променял ее на ходячий манекен с ногами от ушей. Если это причинит отцу боль, то так ему и надо. Другого отношения он не заслуживает. Никто из мужчин не заслуживает!

Ни один из них.

И этот Дмитрий Быков с торчащими кудрями и забавными усами тоже.

Они, наверное, щекочут кожу, а не колются, когда целуешься...

Насупившись, Алиса пообещала позвонить утром и попрощалась.

— Подожди, — удержал ее за руку Быков, — так не пойдет.

— Почему? — сухо спросила она, глядя куда угодно, только не на него.

— Ты не можешь вот так бросить меня до завтра.

— Почему? — упрямо повторила она.

— Потому что я должен знать, собираться мне или нет, — сказал Быков, искренне надеясь, что говорит это, подчиняясь здравому смыслу, а не чему-то другому. — Я взрослый человек со своими планами, обязательствами и расписанием...

— Как поезд? — перебила Алиса.

И ухмыльнулась, потому что Быков был уж очень смешон в этот момент. Несколько огорошенный неожиданной репликой, он взял короткий тайм-аут, чтобы собраться с мыслями. Потом, разгладив пальцами усы, улыбнулся и сказал:

— Скорее, как самолет, Алиса. Приходится двигаться очень быстро. Жизнь не стоит на месте. Отстанешь — не догонишь.

— Это ты хорошо сказал, — подумав, оценила его слова Алиса. — Я тоже не люблю терять время. Как только переговорю с дедушкой, сразу тебе позвоню.

— Спасибо.

Изыявления благодарности несколько запоздали — девушка уже уходила. Проводив изящную фигурку в белом взгляде, Быков вернулся в свой отель и, засев за компьютер, принялся изучать размещенные в Интернете материалы про Азорские острова.

Они были открыты в начале пятнадцатого века прошлого тысячелетия. Экспедиции туда снаряжал принц Генрих с говорящим прозвищем Мореплаватель. Уже при нем Азоры стали перевалочным пунктом для путешественников, пересекающих Атлантический океан. Именно здесь останавливались корабли Христофора Колумба по возвращении из Нового Света. На Азорском архипелаге пополняли запасы воды и пищи не только испанские галеоны, но и пираты, отсиживавшиеся на одном из девяти островов, чтобы неожиданно напасть на морской караван. В память о тех временах до сих пор сохранились примитивные укрепления из камней и кусков лавы, а кое-кому, говорят, удастся разыскать и пиратские клады.

Туристические агентства, переписывавшие друг у друга зазывные рекламные тексты, наперебой твердили, что Азоры сочетают в себе «волшебное очарование Австрии, сказочную прелесть Шотландии, сочный голландский колорит и безмятежный гавайский покой». Если же отбросить словоблудие, то Азорский архипелаг представляет собой скученные вершины Центрального Атлантического хребта, простирающегося под толщей океанских вод от Исландии до Антарктики. Эта цепь островов образовалась много тысяч лет назад в результате

мощных извержений вулканов. Здешнее Северо-Атлантическое течение, ответвляющееся от Гольфстрима, сформировало на Азорах мягкий климат без резких похолоданий и сильной жары. Лоскутики полей, разбросанные среди вулканических скал, обеспечивали жителей обильными урожаями кукурузы, апельсинов, бананов, картофеля и табака, а деньги везли сюда туристы. Можно сказать, что четверть миллиона азорцев существовали если не за их счет, то благодаря им.

Загрузив в свой мозг полезную информацию, Быков занялся просмотром снимков. Разумеется, лишь малая их часть представляла собой интерес с художественной точки зрения, но общее впечатление об Азорах складывалось. Пейзажи неземной красоты, всевозможные сочетания зеленого и голубого, скалистые пики в туманной дымке, горные озера, зеркальные лагуны и пенистые прибои. Увидит ли все это Быков воочию?

Стоило только задать себе этот вопрос, как пришел ответ. Коротко переговорив по телефону с Алисой, Быков расплылся в улыбке и принялся собирать вещи.

Глава 2

Приключения начинаются

Небольшие волны раскачивали катер и с чмоканьем целовали его белое днище. Но Быков прислушивался к совсем другим звукам. За его спиной переодевалась Элен Керн, выполнявшая роль инструктора по дайвингу.

Ей было далеко за тридцать, и она находилась в самом расцвете женственности. Лицо Элен не блистало красотой, будучи слишком грубым, почти мужеподобным, из-за широких скул и небольших карих глаз, а вот фигура... Одним словом, слушая, как шуршит ее одежда, Быков думал не о предстоящем погружении, а черт знает о чем, сердился на себя, потел и нервничал.

— Можешь поворачиваться, — разрешила Элен.

Ее английский был не совсем привычен уху Быкова, поскольку она была родом то ли из Шотландии, то ли из Ирландии — он в этих тонкостях не разбирался. Элен уже успела облачиться в свободное голубое платье, надетое, похоже, на голое тело, потому что ее гидрокостюм лежал на полу, трусики сохли на спинке кресла перед штурвалом, а купальника Быков нигде не видел.